

УДК 101:316:141.78(1-87)

Н. ДАЙЕР-ВИЗЕФОРД «КИБЕР-МАРКС: ЦИКЛЫ И КРУГОВОРОТЫ БОРЬБЫ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ КАПИТАЛИЗМЕ»

В.С. Гриценко

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: gritsenkovs89@mail.ru

Профессор Университета Западного Онтарио Н. Дайер-Визефорд в своей книге «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» дает глубокий анализ природы постиндустриального общества с позиции марксистской трудовой парадигмы введенного К. Марксом понятия всеобщего (научного, автоматизированного) труда, затрагивает основные вопросы этой теории. Книга не была переведена в России. Между тем она дает хорошее представление о состоянии современного марксизма на Западе.

Ключевые слова: всеобщий труд; всеобщий интеллект; разрушение стоимости; планирование.

Ник Дайер-Визефорд — канадский ученый, марксист, профессор, заместитель декана медиаинформационного факультета в Университете Западного Онтарио. Он читает курсы: «Политическая экономия медиасферы», «Мировая политэкономия медиасферы», «Труд в сетевом мире», «Противоречия и противостояния в виртуальном мире» и др.

Работа «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» названа Д. Келлнером в аннотации на сайте Illinois Press «превосходным, весьма полезным исследованием... для тех, кто заинтересован в понимании обширных изменений современного мира и возможном использовании технологий для создания лучшего будущего». Книга включила в себя материалы докторской диссертации Дайера-Визефорда и его дальнейших исследований. Опубликовано издательством «Univer-

sity of Illinois Press» в 1999 г.; она также доступна в базе UWO Bookstore (<http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyer-witheford/index.htm>).

Работа состоит из девяти глав, вступительного слова и справочного аппарата, включающего библиографический список (всего 679 наименований) и ссылки. Автор опирается на философские (К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Адорно, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) и экономические работы (К. Маркс, Ч. Баббадж, Е. Мандель и др.), ряд произведений классиков марксизма и постиндустриализма (Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, М. Лаззарато, М. Хардт, А. Негри и проч.). Поскольку Дайер-Визефорд стоит на позициях марксизма, о чем прямо заявляет в своей работе, подавляющее большинство использованных им источников — работы современных марксистов (С. Лернер, П. Андерсон,

Н. Комски, Ф. Флерон и др.). Книга создавалась одновременно с «Империей» М. Хардта и А. Негри, в непрерывной переписке с ее авторами.

Во *вступительном слове* Дайер-Визефорд благодарит своих преподавателей за курсы по «Капиталу», «Экономическим рукописям» К. Маркса и по творчеству современных марксистов, а также специалистов по информатике и кибернетике и деятелей протестных движений, которые помогли ему при подготовке докторской диссертации и этой книги.

Первая часть — «Различия» — начинается отсылкой на новеллу У. Гибсона и Б. Стерлинга «Машина различий» (1855 г.), в которой было предсказано современное информационное общество. К этому же периоду относится и описанная в новелле продуктивная идея Чарльза Баббаджа о необходимости развития механического компьютера на смену истощаемым природным ресурсам. «Маленькая деталь», которая больше всего интересует Дайера-Визефорда, не касается сюжета, а служит скорее фоном к представлениям о будущем в этой научной фантастике. В мире «Машины различий» идеи Карла Маркса живут и развиваются. Отталкиваясь от этой мысли, Дайер-Визефорд задается целью предложить свое понимание классического марксизма для современного высокотехнологичного информационного общества. *«Я считаю, что информационная эпоха, будучи еще далекой от разрешения исторического противоречия между капиталом и его “работающими предметами” (наемными рабочими. — В.Г.), создает для них последнее “поле битвы”; что новые высокотехнологичные компьютеры, телекоммуникации и гениальная инженерия оформляются как инструменты беспрецедентного мирового порядка, к которому пришло всеобщее товарное производство, и, что*

парадоксально, вырастая из этого порядка, появляются силы, направленные на создание совсем другого будущего — основанного на общественном распределении богатства — коммунизма XXI века» [С.2].

Дайер-Визефорд считает, что противоречие между Баббаджем — капиталистом, высказавшим идею создания компьютера, и Марксом — мятежным революционером, прекрасно показанное Гибсоном и Стерлингом, как никогда актуально сегодня. Хотя намерение Баббаджа изобрести компьютер, первое в истории, произошло отчасти из-за ограниченности науки XIX в., отчасти из-за конфликтов Баббаджа с рабочими-инженерами, его влияние на последующее развитие технологии трудно переоценить. Как и политэконом Эндрю Ур и философ Джереми Бентам, Баббадж принадлежал к радикально мыслящим утилитаристам. Он написал работу в традициях политической экономии Рикардо, посвященную поиску механических средств фрагментации физического и умственного автоматизированного труда. Предельная фрагментация труда, согласно Баббаджу, должна привести к исключению из производства «человеческого фактора» и связанных с ним ошибок и недисциплинированности. Другая часть проекта — возникновение нового класса аналитиков-управленцев (по сути, тех же капиталистов), которым должна принадлежать и политическая власть, потому что они «с необходимостью понимают и воспроизводят на земле божественное управление» [С.4]. Маркс, современник Баббаджа, увидел в его работе не только идею неизбежного прогресса, но и классовую позицию. «Маркс анализирует внедрение машин в производство, в том числе и как средство, с помощью которого буржуазия подчиняет непокорных рабочих» [Там же]. В I томе «Капитала» (гл. «Машины и машинное про-

изводство») Маркс использует работу Баббаджа, чтобы показать, как капиталист придает классовому противоречию характер конфликта рабочего и машины [Там же]. В III томе (гл. «Экономика и изобретения») Маркс вновь обращается к Баббаджу. Анализируя все более возрастающее использование капиталом машин, Маркс замечает, что величайшие открытия в механике и химии на самом деле являются результатом процесса общественной кооперации, который он называет «всеобщим трудом».

Всеобщий труд — это вся научная работа, все открытия и изобретения. Он является продуктом кооперации современников и включает в себя труд предшественников [С.4-5]. В «Экономических рукописях», предшествующих «Капиталу» (которые Дайер-Визефорд называет «самой вулканически великолепной работой Маркса»), Маркс предсказывает, что подчинение живого труда капиталу через распространение машин приведет к зависимости реального богатства не столько от рабочего времени и количества вовлеченных в производство рабочих, сколько от общего состояния развития науки и технологического прогресса. «Наука превратится в непосредственную производительную силу, ключевым фактором производства станут накопленные обществом знания, необходимые для технического и научно-инновационного процесса — *всеобщий интеллект*» [С.5]. Дайер-Визефорд, вслед за Марксом, отмечает два фактора, указывающих на приближение новой эры человечества: *автоматизацию производства и консолидацию общества* через мировой рынок. «Развивая научное знание и общественную кооперацию, капитал разрушает собственную основу — стоимостное отношение... и частную собственность» [С.6].

Описывая претворение намеченных тенденций в реальную жизнь, Дайер-Визефорд остро иронизирует над «могильщиками марксизма» и критикует их, выявляя скрытые и подсознательные аргументы. Так, корни *неолиберальной* критики марксизма он видит в распаде СССР и вовлечении Китая в мировой рынок — эти события разочаровали многих ученых в возможности альтернативы капитализму. Теперь, как считает он, критика марксизма — дань моде. Дайер-Визефорд приводит вытекающие из указанных моментов ключевые аргументы неолиберализма: внутреннее несовершенство человека, априорное превосходство рынка над стратегическим планированием, неизбежное превращение революционного духа в тиранию и т.д. Ответ Дайера-Визефорда на эти заявления — вскрытие их оснований. Исследователь полагает, что советский социализм — это лишь один из вариантов социализма со своими национальными особенностями (и в согласовании с ними огромную роль сыграл В.И. Ленин). Единственным заслуживающим внимания утверждением Дайер-Визефорд считает тезис о том, что одной из причин развала Союза была неподготовленность социалистического режима к информационной революции [С.7-8]. «Сосредоточившись на борьбе с “факторизмом” (классическим капитализмом. — В.Г.), советский социализм оказался неготовым сменить высокодисциплинированный труд, подходящий для рытья каналов и протягивания электропроводов, на более творческий, для создания компьютерных программ» [С.9-10].

Исторической заслугой Ленина и Сталина автор считает трансформацию социализма в соответствии с изменениями капитализма, которому он противостоял, и заимствование первым достижений последнего. «Ленинизм следует оценивать как высокоразвитый марксизм,

... хорошо приспособленный к современному ему моменту капиталистического развития. Отражение развития капитализма проявилось и в социалистической концепции “Советы плюс электрификация”, которая включала научное руководство процессами проведения электричества, строительства гигантских промышленных предприятий. Эта концепция с неизбежностью привела на путь модернизации и ускоренной индустриализации, что под руководством Сталина породило уникальную, подходящую именно русским, модель социализма» [С.9]. Однако Дайер-Визефорд считает чрезмерным принятие Советами элементов капиталистических норм эффективности и трудовой дисциплины — это сильно затрудняло самоорганизацию рабочих. Как минус отмечается и известный догматизм в советской теории, препятствовавший развитию множества ветвей марксизма.

Сегодня единственным условием преодоления таких катастрофических тенденций капитализма, как «спущенная на тормоза» компьютеризация, неконтролируемое развитие телекоммуникаций и геномной инженерии, страшные кризисы, монополизация культуры и «гибельная для человечества приватизация знаний», по мнению Дайера-Визефорда, является возрождение и расцвет нового социализма. «Только марксизм, вобравший в себя опыт большевистского варианта, нашедший в многочисленных работах Маркса более современные позиции, чем те, над которыми реял Ленинский флаг, и приспособивший их к новым, “информационным” условиям эксплуатации и революции приведет к тому будущему, которое капитализм всеми силами пытается отсрочить» [С.12].

Другой «могилищик марксизма» — так называются современные *социальные движения* (феминизм, движение «зеленых», антирасистов,

антитехнократов и пр.). Их представители заявляют, что «новые» движения пришли на смену «старой» классовой борьбе. «Очевидно, что эти движения и их “академические теоретики” преследуют одну цель — занять место марксизма на передовой общественной борьбы» [Там же]. Корень этого явления, по мнению Дайера-Визефорда, в том, что физический труд играет все меньшую роль в современном мире, появляются новейшие технические изобретения и беспрецедентные формы борьбы. Основной аргумент представителей любого движения — «в марксизме человек редуцируется до классовой принадлежности, т.е. до его места в системе производства» [Там же]. Дайер-Визефорд отвечает: «Я считаю, что большинство критиков марксизма из активистов социальных движений просто врут. В произведениях самого Маркса акцентируются вопросы пола, этнической принадлежности и разрушения природы. Но эти проблемы современности являются лишь следствиями... Причина — капитализм» [С.14]. Эта формация основана на купле-продаже человеческой жизни по закону стоимости, она действительно сводит человека к его рабочей силе. Более того, «активисты социальных движений сами редуцируют человека — до его пола, расы и т.д.» [Там же]. «Только марксизм сегодня видит, что международное разделение труда при капитализме основывается на этнической и половой дискриминации, укрепляя, таким образом, иерархию и контроль в обществе... Хотя логика расизма и патриархального уклада старше капитала, только при капитализме она приобретает уродливые формы превращения представителей определенного пола или расы в товар... Привилегированное же положение экономической стороны в марксизме объясняется не только ее сущностным, онтологическим приоритетом, но и субординацией остальных

сторон общественной жизни по отношению к экономике, где рождаются их истоки» [С.15].

По меткому замечанию Дж. МакМерфи, цитирует Дайер-Визефорд, *нынешнее общество — «раковая стадия капитализма»*. «Капитал сегодня перешел в фазу бесконтрольной экспансии и финансовых спекуляций, оторванных от функции производства... это похоже на раковые мутации в человеческом теле» [С.17]. И существенной проблемой становится неспособность современной системы науки, образования и массовых коммуникаций («иммунной системы общества») распознать и достойно ответить на эти угрозы.

В конце первой части Дайер-Визефорд еще раз повторяет цель своей работы: *применить классический марксизм к современным изменениям в обществе*. «Чтобы схватить сущность позднего капитализма, представим, что на нашей планете динозавры (гигантские отчужденные от производства силы всемирных корпораций и финансовых институтов) пережили положенное им время. А популяция гоминидов из-за катастрофического “сбоя” эволюции (распад СССР) не получила возможности полноценно развиваться... Появление социализма — поистине человеческой формы жизни, свободной от хаотической жестокости — возможно только через возрождение коллективизма и коммунистической трансформации общества» [С.19].

Вторая часть — «Революции» — содержит обзор взглядов «наследников Баббаджа» — *информационных революционеров* (теоретиков постиндустриального, информационного общества — П/ИО). Дайер-Визефорд рассматривает ряд социальных воззрений, от Д. Белла до Н. Негропонта, выдвигая оригинальную интерпретацию истории этих концепций. Поскольку выделенные Дайером-Визефордом их основные

теоретические положения почти полностью совпадают с результатами исследования В.В. Орлова, изложенными им в монографии «Философия экономики», остановимся только на особенностях данного анализа.

С одной стороны, Дайер-Визефорд доказывает, что постиндустриалисты и инфореволюционеры создавали свои концепции, заимствовав многое из марксизма. «Трактовка основных понятий: прогресс, материализм, освобождение и, конечно, революция — прямо взята из марксизма... Многие из самых выдающихся современных “информационных революционеров” — марксисты; даже те из них, кто изменил марксизму в поисках нового кредо, сохранили прежние основы своих взглядов» [С.27]. Он согласен с Х. Хертсбергом, что «три волны» Тоффлера — это общественно-экономические формации Маркса. С другой стороны, теории П/ИО создавались в полемике с единственным оппонентом — марксизмом. Дайер-Визефорд считает, что толчком к созданию таких теорий послужила концепция «конца идеологии» 1950-1960-х гг., когда в условиях тихого послевоенного времени страны Европы и США представили успешную социально-экономическую модель развития, к которой, по мнению многих ученых, социалистическим и развивающимся странам необходимо было стремиться. «В этих условиях была создана концепция “конца идеологии”, которая, на самом деле, провозглашала конец революционного потенциала марксизма, конец альтернативы либеральному капитализму. Среди тех, кто активно защищал эту позицию, был и молодой ученый Дэниел Белл, которому пришлось быстро “забыть” о своих прежних троцкистских симпатиях и склониться “вправо”. Это позволяет говорить о нем как об одном из основателей американского неоконсерватизма» [С.28]. Однако западное «общест-

во всеобщего благоденствия» отнюдь не было тихим и спокойным, как хотелось его идеологам. «Развитое индустриальное общество лихорадило: его военная машина застряла в джунглях Вьетнама, его городские гетто горели, крупнейшие автомобильные предприятия были парализованы конфликтами с рабочими, университеты восстали... “Второе пришествие” Белла как пророка постиндустриализма можно оценивать как реакцию на эти события... Столкнувшись со столь неожиданными явлениями, ученые решили, что единственное объяснение им — рождение абсолютно иного социального порядка» [С.29]. Эта идея обросла множеством вариантов — правых и левых. «Самая влиятельная из них — теория Белла, из которой сегодня выросла концепция информационной революции, послужила “футурологическим гидом” для американской политики и общественного мнения» [Там же]. Далее, Дайер-Визефорд подробно излагает ее, указывая, что «для развития новой теории Беллу необходимо было все время держать в голове “враждебное присутствие Маркса” на Кубе, во Вьетнаме, в теориях “новых левых”, в лозунгах рабочих и студентов Парижа, Турина и Детройта» [С.29-30]. Дайер-Визефорд считает, что Белл, создав во многом совпадающую с марксизмом теорию, нашел таким образом способ искусно отойти от Маркса в трактовке «второго сценария». «Знание, — говорит Белл, — придет на смену и труду, и капиталу, станет основным фактором производства... Появление нового класса профессионалов и техников следует из квазимарксистской логики, поскольку новый класс признается основным субъектом производства и истории, но его революционная сила отрицается» [С.32]. Дайер-Визефорд считает, что эта идеалистическая позиция отвергает

идею исторического противостояния труда и капитала.

Появление теорий информационного общества Дайер-Визефорд связывает с переводом трудов постиндустриалистов на японский язык и их переработкой Т. Умесао, К. Кохиямой, Ю. Хаяши и Й. Масудой. Эти ученые делают акцент на ведущей роли компьютеров в изменении общества. «Компьютеры, — говорят они, — фундаментальным образом отличаются от более ранних форм механизации. Заменяя физический труд духовным, действия с объектами манипуляцией символами, информационное общество не только освободило рабочих от рутин, но и позволило достигать целей путем фрагментации их на мельчайшие задачи для отдельных работников и последующей кооперации» [С.49]. Дайер-Визефорд считает, что в трактовке этих исследователей новый способ производства, наоборот, почти ничем не отличается от тейлоризма — предельного упрощения и специализации труда рабочих. *Информация*, как он далее замечает, составляющая основное содержание производства товаров и услуг, основной компонент всех секторов экономики, трактуется информационщиками как духовный феномен. «Маркс, заявляя о примате материальной базы, поставил Гегеля с ног на голову. Большая шутка истории — сегодня новая система создания общественного богатства с помощью информации ставит с ног на голову Маркса» [С.47].

Таким образом, Дайер-Визефорд обвиняет этих теоретиков в идеализме и технократизме. «Мы, марксисты, разделяем убеждение “информационных революционеров” в неизбежности социальных изменений под влиянием научно-технической сферы. Но мы не признаем, в отличие от них, появление компьютеров решающим фактором освобождения труда и пре-

кращения его борьбы с капиталом» [С.26]. Основной момент теорий П/ИО, против которого выступает Дайер-Визефорд, — уничтожение рабочего класса либо с помощью полной автоматизации производства, либо через его превращение в класс техников и профессионалов, пассивных по отношению к общественным изменениям и равнодушных к политике. «Информационная революция — характеристика позднего капиталистического общества. Высокотехнологическая автоматизация производства меняет характер работы, самого рабочего и капиталиста... Но отчуждение остается. Новая работа может быть и лучше прежней, но собственность на средства производства и их продукт не переходят к рабочему» [С.48]. Аргумент информатики, связанный с духовной природой информации, — как следствие, собственность всегда «в голове рабочего» — Дайер-Визефорд с ходу отмечает как идеалистический.

Его выводы таковы: «Отношение этих (П/ИО. — В.Г.) теорий к марксизму — более *преemptивность*, чем антагонизм. Они создавались интеллектуалами, хорошо знакомыми с марксистскими позициями или придерживающимися их. Поэтому концепция информационного общества взяла силу марксистского анализа и его предсказательные возможности, что привело к выводу о направленности исторического прогресса на бесклассовое общество. Но она берет технологическое развитие, а не классовую борьбу в качестве движущей силы этой трансформации, выбрасывая из марксизма революционную идею» [С.63]. Тем более что «Маркс дает повод так считать, ведь ему принадлежит известное выражение, что ветряная мельница дает общество во главе с феодалом, паровая машина — с промышленным капита-

листом. Это часто используется теоретиками информационного общества» [С.78].

Третья часть — «Марксизмы» — посвящена различным течениям в современном марксизме, которые дают какой-либо ответ на вызов постиндустриальной теории. Предмет исследования в этом ключе — отношение технической и социальной сфер современного общества. Дайер-Визефорд считает, что существенные разногласия постиндустриализма с марксизмом наблюдаются именно по этому вопросу, а он — один из важнейших. Сначала ученый отыскивает возможные источники этих разногласий в работах самого Маркса, пользуясь как ранними работами, так и тремя томами «Капитала». Затем он анализирует их влияние на марксистские школы научного социализма, неолуддизма и постфордизма, ни одна из которых, по его мнению, не смогла достаточно адекватно ответить на заявление постиндустриалистов об отмирании классовой борьбы и «примирении» капиталиста и рабочего в новом обществе исключительно благодаря развитию техники.

Дайер-Визефорд отмечает объективную сложность поставленного вопроса. Для его решения необходимо показать, что входит в сущность и структуру производительных сил и производственных отношений, и их взаимодействия. Так, в *научном социализме* («объективизме», «классическом неортодоксальном марксизме») техносфера принимается за активного агента истории в процессе ее развития, приводящем к уничтожению капиталистического господства. «Н. Бухарин, Дж. Бернал и Г.А. Коген понимают развитие технологии как автономную силу, мотор истории... Производительной силой выступает технология, только производственные отношения имеют социальный характер» [Там же]. Наиболее развернутую

разработку эта концепция получила у теоретика IV Интернационала Эрнеста Манделя. Его основной труд «Поздний капитализм» был впервые опубликован в 1968 г. «Ключевой задачей его исследования стало объяснение социальных феноменов, подмеченных теоретиками постиндустриализма с марксистских позиций. Мандель настаивал, что современное общество Европы и Северной Америки не освободилось от черт капитализма, обрисованных еще Марксом, а, наоборот, показало их в чистой форме» [С.84]. Мандель выделяет три ступени развития капитализма: *рыночная, монополистическая и поздняя*. Последняя ступень характеризуется внедрением кибернетических систем в промышленное производство и автоматизацией, ...внедрением планирования не только производства на каждом предприятии, но и экономики в целом. Мандель выступает категорически против утверждения постиндустриалистов о наступлении беспрецедентной исторической эпохи: «Поздний капитализм еще нельзя называть постиндустриальным обществом только из-за появления новых технологий ... вера во всемогущество технологий есть специфическая форма буржуазной идеологии позднего капитализма» [С.86]. По его мнению, идея о том, что новые технологии позволяют капитализму преодолеть его противоречия и кризисы, неверна. Наоборот, инновации только приближают неизбежный коллапс. Дайер-Визефорд выделяет основной аргумент в работе Манделя, характерный также для всех объективистских течений марксизма: «Уменьшение отношения прибавочной стоимости к капиталу (постоянному и переменному) ведет к возрастанию отношения постоянного капитала к переменному». С этим согласен и Дайер-Визефорд, однако он считает, что Мандель абсолютизирует другой аргумент: «Кнут конкуренции» капиталистов между со-

бой заставляет их наращивать производство. Еще Маркс выделял противоречащие этому принципу черты: увеличение интенсивности эксплуатации труда, удешевление элементов постоянного капитала, возрастание международной торговли и т.д. Мандель все упрощает.

Дайер-Визефорд оценивает работу Манделя как во многом блестящий ответ Беллу и постиндустриалистам, отмечая множество современных тенденций, разработку логики развития современного общества. Более того, Мандель сделал замечательный прогноз предстоящих экономических кризисов, против чего выступали постиндустриалисты, однако «если Манделя нельзя назвать технологическим детерминистом, который сводит смену общественно-экономических формаций к последствиям автономного прогресса науки и техники, то ему подойдет характеристика представителя социального детерминизма, который верит во всемогущество технологии, как и те, кого он критикует за буржуазную логику» [С.90]. Производительные силы у Манделя — это машины, основные агенты необратимых общественных изменений. Рабочему классу отводится активная роль только в моменты кризиса, при этом рабочий класс в работе Манделя ничем не отличается от рабочего класса, о котором писал Маркс; не учтена даже манипуляция массовым сознанием, яркая черта современного общества. Дайер-Визефорд оценивает представления школы «научного социализма» во многом как механистический взгляд на историю. «В “Капитале” сказано, что именно общество изменяет и развивает методы производства» [С.79]. А по Манделю, наступление социализма неизбежно, поэтому классовая борьба и самоорганизация рабочих оказываются выброшены. Дайер-Визефорд указывает на огромное значение именно самоорганизации рабочих, отсутствие

которой явилось одной из причин распада Советского Союза. Другой причиной явилась остановка научно-технической революции в 80-х гг., которую отмечал и Мандель. Несмотря на то что Мандель был учеником Троцкого, представитель научного социализма крайне положительно оценивал опыт Советского Союза. То, что «постиндустриалисты называли “третьей технологической революцией”, соответствовало происходившей в 60-70-е гг. научно-технологической революции в Советском Союзе. Преимуществом НТР Мандель считает то, что, во-первых, это достижение социализма, а не капитализма; во-вторых, СССР осуществлял НТР планомерно и, если бы она реализовалась до конца, это стало бы гибелью для аналогичных процессов на Западе; в-третьих, НТР велась под руководством ученых и академиков» [С.92].

Следующее течение марксизма, которое исследует Дайер-Визефорд, — *неолуддизм* (теория «технологии как средства господства»). Его представители: Дж. Лукач, Г. Брейвман и Д. Нобль, теоретики Франкфуртской школы, называют технологию инструментом капиталистического господства. Они полагают, что машины — лишь момент в структуре производительных сил, сущность которых — социальная материя. На многих читателей произвело впечатление описание кошмара использования капиталистами XIX в. технологических достижений. На протяжении всего «Капитала» Маркс снова и снова рассказывает нам, как машины противостоят рабочим в процессе производства как воплощенный или, по крайней мере, металлизированный капитал. Паровая машина служит «инструментом пытки» в руках владельца предприятия. Мертвый труд помогает превращать рабочего в живой придаток машины. Но, с другой стороны, развитие машин создает предпосылки для освобождения рабочего; напри-

мер, современные Марксу инновации: телеграф, пароход и железную дорогу — он считал такими факторами. «Согласно Дж. Биллингтону, Маркс и Энгельс планировали широко использовать международные телеграфные агентства в Брюсселе для распространения своих работ» [С.83]. Таким образом, с одной стороны, Маркс называл технологии инструментом капиталистического господства, средством усиления эксплуатации, помогающим капиталисту насаждать рыночные отношения по всему миру; с другой стороны, машины могут служить основой освобождения от эксплуатации и предпосылкой коммунистического общества. Представители *Франкфуртской школы*, основатели критической теории в рамках марксизма: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе — считали, что технологический рационализм, изначально служивший вспомогательной силой для освобождения рабочих от угнетения, сегодня сам стал угнетателем. «Научно-технические силы способны как бесконечно порождать человеческие потребности, так и удовлетворять их, создавая “одномерного человека”, неспособного к самостоятельному мышлению за пределами господствующей системы» [С.94]. В 1974 г. в книге «Труд и монополистический капитал: деградация работы в XXI в.» Брейвман заявляет, что «научный менеджмент», изобретенный Ф.В. Тейлором в начале XX в., с его отделением управления от производства, монополизацией менеджерами специализированных знаний и систематической деструкцией их у рабочих — это манифестация «великой правды капитализма» (рабочий должен стать средством труда в руках капиталиста). Появление класса «белых воротничков» Брейвман считает не признаком постиндустриального общества, а симптомом разрастания управляющего аппарата. Согласно Ноблю,

«желание менеджера — полностью исключить человеческий фактор из производства, осуществить прогресс без людей» [С.96].

Франкфуртская школа и неолуддиты делают акцент на подчинении общества капиталу с помощью масштабного действия культурной индустрии. Основным разработчиком этого вопроса — В. Моско. «Источник идеологического контроля над обществом — частная собственность на газеты, журналы, радиостанции, телевизионные каналы и кабельные системы... Пока информационщики говорят о демократизации массовых коммуникаций и телевизионных каналов, Моско и Шиллер заявляют, что гигантские медиакорпорации производят и фильтруют новости и развлекательную продукцию телевидения с целью исключить все, не соответствующее интересам хозяев» [С.97]. Последствием выступает «систематическое обертывание человеческого сознания». Неолуддиты считают, что сегодня человеческое сознание полностью поставлено под контроль господствующего класса. Если представители научного социализма считают технологию нейтральной сферой, представители концепции «технологии как средства господства» признают эту нейтральность ложной. Неолуддиты активно протестуют против такого положения вещей. Дайеру-Визефорду их взгляды представляются пронизательными. Он считает, что использование технологий правящим классом проявляется даже в том, что он отвергает инновации с долгосрочной окупаемостью, решая судьбу научных открытий. Однако возражение Дайера-Визефорда вызывает абсолютизация этого мнения. «Чем более упорно эти аналитики доказывают полное подчинение научно-технической сферы капиталу, тем труднее понять, как возникла их собственная теория.... Остается ду-

мать, что неолуддизм — романтические попытки вернуть прошлое» [С.102-103].

Третье направление в современном марксизме — *постфордизм*, сторонники которого провозглашают возможность примирения труда и капитала с помощью «технологического посредника». Его представители М. Аглиетта и А. Липец разрабатывают программы такого примирения при сохранении капиталистического общества. Они полагают, что капитализм не является неизменной формацией, в то же время он не предопределен к гибели. Они согласны с постиндустриалистами в главном: «Информационные принципы управления производством должны заменить “механические”». Монотонное развитие постиндустриального общества приведет к распространению высокотехнологичного труда, который требует от оператора научных знаний и внимания... Высококвалифицированные рабочие будут удовлетворены своей работой, и вопрос о собственности на средства производства отойдет на второй план» [С.108-109]. Дайер-Визефорд жестко критикует постфордистов, называя постмодернистской иронией тот факт, что представители этого течения в Британии издают журнал «Марксизм сегодня». «Однако следует согласиться с постфордистами, что капитализм сегодня переживает период ускоренных изменений... В новых взглядах прослеживается глубокая тенденция снизить роль сущностного противоречия капиталистического общества. Его поле исследования строится на заявлениях о капиталистическом росте, успешной капиталистической организации общества, а не на классовой борьбе... Акцент на способности капитала к исторической адаптации занимал важнейшее место в духовной деморализации ученых во время распада Советского Союза» [С.112-113].

Проанализировав основные положения всех трех течений, Дайер-Визефорд пришел к выводу, что «создание этих марксистских теорий основано на избирательном подходе к текстам Маркса и тщательном отборе нужных цитат... Научный социализм ударился в социальный детерминизм, неолуддизм, пройдя через радикальный пессимизм, породил утопию, а постфордизм разошелся с Марксом по самым основным вопросам: классовой структуры общества и его основных противоречий» [С.115].

Четвертая часть — «Циклы» — представляет собой краткий обзор течения в марксизме, к которому принадлежит сам Дайер-Визефорд, — *автономного марксизма*. Он использует концепцию циклов классовой борьбы, разработанную этим течением, для исторического анализа и выявления корней противоречия труда и капитала в информационном обществе, а также для анализа структуры рабочего класса в современную эпоху. Автономный марксизм называют также «*марксизмом классовой борьбы*», потому что в нем прослеживается противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми; «*субъективистским марксизмом*», так как его представители резко противопоставляют живой труд мертвому капиталу и уделяют особое внимание субъективной стороне объективных исторических законов и творческой активности каждого индивида и общества в целом; «*открытым марксизмом*», поскольку в его рамках направленность объективных законов обогащается свободной случайностью. Автономный марксизм делает акцент на активном противостоянии человека силе капитала. По словам Дж. О'Коннора, марксизм перенял силу страсти у романтизма и стремление к научности у Просвещения. Теоретики этого направления рассматривают капиталистические кризисы как следствие не только внутренних, но и

внешних противоречий, особенно деятельности рабочего класса. Это течение четко противопоставляет себя постфордизму, называя его односторонним марксизмом за то, что постфордизм, изучая активность капитала, оставляет в стороне активность рабочего. «Мы рассматриваем историю не как фатальный, изначально данный и неизбежный, подчиненный объективным законам вектор развития, а как результат двух взаимодействующих векторов — эксплуатации и противостояния ей. История автономного марксизма идет от Маркса и Энгельса, включает Р. Люксембург и раннего Дж. Лукача, К. Корша и А. Грамши. В 70-е гг. в Италии появилось движение рабочих, студентов и феминисток, названное “автономным”. Теоретики этого движения отказались от анализа истории в пользу изучения современного момента. Представители течения: Р. Панзьери, М. Тронти, С. Болонья, Р. Альквати, М. Далла Коста, Ф. Берарди, А. Негри и Г. Клевер. Эта группа была уничтожена политическими репрессиями, и ее представители, которым удалось эмигрировать, продолжили теоретическую работу» [С.130]. Вторая причина, по которой представители автономного марксизма так себя называют, — акцент в их работах на автономии труда, который по своей природе не зависит от капитала, хотя при капитализме обменивается на заработную плату. Капитал, напротив, всегда зависит от труда. «Мы не выходим за рамки марксистской мысли, выстраивая свои теории современного мира на фундаменте работ Маркса. Наш лозунг не экс-марксизм и не постмарксизм, а *Маркс после Маркса*... Автономные марксисты, особенно Негри, уделяют особое внимание разросшемуся сегодня информационному аппарату капитализма. Что делает их исследования значимыми, это то, что они рассматривают новые формы

знания и коммуникации не только как инструменты капиталистического подавления, но и как потенциальный ресурс для антикапиталистической борьбы» [Там же]. Дайер-Визефорд заявляет, что автономный марксизм, исследуя отношения труда и капитала, совершает «Коперниканский переворот» в послевоенном марксизме, выбирая своим предметом творческую, трудовую энергию человека — живое создающее пламя общества. Автономные марксисты предлагают оригинальное понимание современного рабочего класса. По их мнению, это все те, кто «организован капиталом», подавляется им и борется против него [С.132]. Исходя из тенденции капитала подчинять себе все, распространять на все закон стоимости, редуцировать человека до его рабочей силы, мы наблюдаем расширение доминирования капитала над всеми сферами общественной жизни. Феминистки М. Далла Коста и С. Джеймс, противопоставляя свое учение популярной феминистской политической экономии, доказывают, что капитал подчинил себе образование, медицину, общественное питание, а также домашнюю работу, начиная от рождения детей и заканчивая созданием эмоциональной атмосферы в семье. Все это, по их мнению, неоплаченный труд, направленный на то, чтобы «рабочая сила каждое утро была готова идти на работу» [С.135]. Согласно Негри, процесс возрастания информатизации производства, расширения телекоммуникаций, концентрация производства на крупных фабриках и деконцентрация мелких частных производств и услуг позволяют говорить о совпадении структуры крупного промышленного предприятия и самого общества как предприятия. Это явление называется «диффузией предприятия» или «предприятием без стен». Поэтому борьба с капиталом должна вестись представителями всех сфер общественной жизни,

прямо или косвенно подчиненных капиталу. «Растущая тенденция капитала к интервенции и постановке под контроль создала ситуацию, в которой общество функционирует как момент процесса производства (взятого в целом)» [С.134].

«Включая в анализ структуры рабочего класса непроизводительный, наряду с производительным, труд и неоплачиваемую, наряду с оплачиваемой, работу, представители автономного марксизма предельно расширяют теоретические рамки этого понятия... Капиталистическое производство сегодня пользуется социальными взаимосвязями в собственных интересах. Таким образом, рабочий класс сегодня предстает чрезвычайно пестрым: рабочие предприятий, студенты, домохозяйки, работники медицины, общественного питания и образования — каждая группа со своими специфическими требованиями и интересами, организованные общей целью... Производительный труд — сегодня это труд, направленный на производство общества» [С.136]. Вкратце, согласно тезису Тронти, Клевера, Панзьери и О'Коннора: «Все общество сегодня существует как функция предприятия, а предприятие распространяет свое выдающееся господство на все общество» [С.263].

Теоретики автономного марксизма рассматривают развитие классового конфликта как двойную спираль: эксплуатация труда капиталом и сопротивление рабочего класса этой эксплуатации. Относительно технологии это развитие имеет два аспекта: наука и техника как инструмент капиталистического господства и возможность перехода контроля над наукой и технологией в руки пролетариата. Цикл выглядит так: 1. Рабочие противостоят капиталу, *организуясь* в коллектив. 2. Капитал старается разъединить *общность* рабочих с помощью *реструктуризации* производства. 3. Но капитал

как система зависит от возможности организовать труд с помощью заработной платы, поэтому происходит *реорганизация* рабочего класса. Соппротивление рабочих капиталу принимает две формы: саботаж (обладающие научными знаниями и технологическими навыками рабочие останавливают процесс высокотехнологичного производства) и отказ от использования направленных на сокращение рабочих мест инноваций.

Дайер-Визефорд и представители автономного марксизма указывают на существенное отличие современного рабочего промышленного предприятия: поздний капитализм создает «рабочего, использующего науку» — интеллектуальную рабочую силу. Рабочие становятся более образованными, они могут использовать коммуникационные и информационные технологии в борьбе против капитала. Такой рабочий — представитель позднего капитализма.

Дайер-Визефорд выделяет три типа рабочих в истории капитализма. *Профессиональный рабочий* (сер. XIX в. — Первая мировая война) — это классический пролетарий, изображенный в «Капитале». «С победой революции 1917 г., возглавляемой авангардом рабочего класса, партией большевиков, страх буржуазии перед рабочими организациями перерос в ужас. Второй тип — *массовый рабочий* — возникает как следствие этого ужаса. Это — стандартный рабочий предприятия Форда. Фордизм создал все условия для беспрецедентной классовой солидарности рабочих, которая вылилась в массовые “сидячие забастовки” 1937 г. в США... Такой рабочий все время совал свой нос в процессы капиталистического планирования» [С.146-147].

«В 1970-х гг. рейганизм и тэтчеризм ушли от “государства планирования” к “государству кризиса”, согласно ходячей шутке, “теперь го-

сударство планирует кризисы”. Кейнсианские гарантии были упразднены, зато крайне повысились автоматизация и глобализация производства» [С.149-150]. Говоря словами Маркса, наступило время *социализированного рабочего* — контролера и регулировщика. Этот рабочий активно использует для своих целей новые модели универсальных коммуникаций, внедренных в производство.

Часть пятая — «Кругообороты» — содержит анализ «кругооборота капитала», исследует противоречия, вызванные информатизацией производства и потребления, общественное и экологическое воспроизводство, а также виртуальную реальность. Автор доказывает, что перечисленные моменты подвергаются воздействию капиталистического контроля и «круговорота классовой борьбы». Дайер-Визефорд рассматривает множество аспектов современного общества как обширное поле битвы труда и капитала. Опираясь на второй том «Капитала» и «Экономические рукописи», предшествовавшие ему, он исследует сущность подмеченных теориями П/ИО феноменов. «В работах Маркса описаны только два момента кругооборота капитала. В процессе производства рабочая сила и средства производства встречаются для создания товаров. В процессе кругооборота товары продаются и покупаются; капитал должен как продать произведенные товары, чтобы получить прибавочную стоимость, так и поддерживать рабочую силу и средства производства, чтобы кругооборот начался снова» [С.198]. Процесс восстановления рабочей силы происходит не на фабрике, а в самом обществе, в школах, больницах и домашних хозяйствах. Кроме заботы о рабочей силе, у капитала есть забота и о природе — источнике сырья для производства. Таким образом, Дайер-Визефорд предлагает детализировать *структуру круго-*

оборота капитала, включив в нее четыре момента: *производство, воспроизводство рабочей силы (поддержание жизни, образование и медицинское обслуживание), восстановление природы, кругооборот*. Сегодня все эти сферы насыщаются высокими технологиями и информацией. Соответственно круговороты классовой борьбы подвергаются тем же факторам.

Исследуя производство, Дайер-Визефорд отмечает, что благодаря информационной революции беспрецедентно возросла зависимость капитала от труда, поскольку использование машин все больше зависит от *квалификации и знаний рабочих*. Кибернетические устройства впервые появились в конце Второй мировой войны в тяжелой промышленности и химическом производстве. В 60-х и 70-х гг. их опыт переняла легкая промышленность. Даже на первых экспериментальных предприятиях сразу же были отмечены возросшая самоорганизация и противостояние рабочего класса. Сегодня, когда такие системы используются в любом виде труда — от работы медсестры до работы кондитера, — активность пролетариата повсеместно возрастает. В сфере воспроизводства рабочей силы (то, что постиндустриалисты называют сферой услуг) противостояние проявляется особенно ярко. «Вопреки оптимистичным прогнозам Белла и Тоффлера, социальные противоречия не стерлись, а стали резче... В “Экономических рукописях” Маркс во все не говорил о том, что весь труд, в котором используется автоматика, будет требовать высокой квалификации. Вместо того чтобы говорить о “сознательной связи человека и технологической системы”, нужно разделить труд с использованием автоматки на “*научный труд*” и “*социальное обслуживание*”» [С.204]. Системная организация труда при современном капитализме такова. С одной стороны, имеется «на-

учный труд»: труд ученых, программистов, инженеров и дизайнеров, которых постиндустриалисты изображают как «интеллектуальных работников будущего». С другой стороны, имеются работники «социального обслуживания», осуществляющие широкий спектр услуг, таких как массовые коммуникации, услуги клерка, уборщика, привратника, охранника и повара, которых мы также должны относить к информационному сектору экономики. На первый взгляд кажется, что эти две ступени социальной организации сильно разобщены и дезорганизованы, не связаны друг с другом, однако реальность свидетельствует об их консолидации как следствии реально существующего и зачастую осознанного общего классового интереса. Ярким примером этого служит серия забастовок, произошедших в начале 90-х гг. в США и Канаде. В 1996 г. волна стачек прокатилась снова, затронув Техас, Оклахому, Нью-Мексико, Колорадо, Аризону, Неваду и Калифорнию. Все началось с массового протеста в Силиконовой долине. Высококвалифицированные технические работники: инженеры, разработчики программного обеспечения (большинство мужчины, большинство «белые», высокообразованные, с высокой заработной платой, так называемая элитная рабочая сила) — стали на защиту требований улучшения условий труда и повышения зарплат для работников социального обслуживания, которые начали эту акцию. В результате такие компании, как Apple, Intel, Hewlett-Packard, Oracle и IBM, не могли функционировать. Организаторы заявляли: «Уборщицы — первое звено в цепи нашего коллектива. Когда мы говорим об окнах, мы должны помнить как об уборщицах, которые их моют, так и об инженерах, которые их проектировали» [С.209]. Дайер-Визефорд называет это событие *революцией коллективного рабоче-*

го [С.210]. Тенденция к консолидации высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих принимает разнообразные формы: связи между секторами в рамках одного предприятия, связи рабочих разных сфер производства, когда авиационных диспетчеров поддерживают конструкторы и водители автобусов. К. Муди именует это явление возникновением *унионизма социального движения*.

Информатизация всех сфер деятельности современного общества включает и появление *биотехнологий*. Сегодня это важнейший компонент восстановления рабочей силы. Движение феминисток в 60-е и 70-е гг. за равные права с мужчинами ставило важнейший вопрос: право самих женщин решать, когда и сколько у них будет детей. Их первоначально успешную борьбу сегодня капитал подчинил своим целям. Альтернативная репродуктивная система, основанная на новейших биотехнологиях искусственного оплодотворения, отбора зародышей и суррогатного материнства, превращается в инструмент капиталистического управления обществом. Возрастает поляризация общества на тех, кто может себе позволить такие технологии, и тех, кто остается «за бортом». Способность женщины к рождению детей сегодня эксплуатируется не меньше, чем рабочая сила: нищие женщины вынуждены служить «инкубаторами» для детей богатых, но больных женщин. Суррогатные матери эксплуатируются не только физически, но и морально: у них разрушается самоидентификация, и они чувствуют себя виноватыми в гибели «невостребованных зародышей». Опасение Дайера-Визефорда вызывают растущие возможности генной инженерии. Он считает, что биотехнологии такого уровня смогут оказать разрушительное воздействие на общество. Так, он считает, что в целях социальной стабилизации, необходимой капи-

талу, могут быть произведены генетические изменения огромных масс людей, контролирующие их поведение и биологические качества, необходимые производству. Не исчезнет и разделение на тех, кому будут доступны генные технологии для увеличения продолжительности жизни и улучшения здоровья, и «всех остальных». Появится соблазн возрождения фашизма и евгенических тенденций.

Воспроизводство рабочей силы включает также ее *образование*. Требование информационной эпохи — высокообразованные рабочие, техники и инженеры. Однако сфера высшего образования также организует стойкое сопротивление капиталу. Тридцать лет назад университетские городки от Калифорнии до Парижа стали центрами массовой подготовки высококвалифицированного рабочего класса и центрами хорошо организованных забастовок. «Капитал решил, что одним слезоточивым газом, стрельбой и репрессиями этот протест не подавить. Неолиберальным ответом стала радикальная реструктуризация высшего образования — образовательные нормы полностью приспособили к капиталистической экономике. Институт тьюторства расширился, и количество заданий студентам многократно возросло, а экономические дисциплины, которые могли послужить теоретической основой волнений, и бесполезные для производства предметы были сокращены почти до нуля» [С.228]. Внедрялось «партнерство производства и университета». Этот новый академический порядок гласил, что фундаментальные исследования должны быть предельно сокращены в пользу проектов, возможная прибыль от реализации которых в производстве была бы максимальной, а сроки реализации минимальными. Таким образом, бизнес обеспечивал себе подпитку научными идеями и насаждал нужное ему мировоззрение.

Однако в 90-х гг. начался новый цикл университетских восстаний. Основная причина — экономические риски, в атмосфере которых студенты себя находили. «Высшее образование вместо гарантий успеха в жизни служило созданию “резервной армии интеллектуального труда”» [С.230].

Современное общество характеризует все увеличивающаяся *сфера массовых коммуникаций*. Дайер-Визефорд считает создание общества массового потребления результатом широкого проекта социальной инженерии. Открытием «Капитала» является не только то, что труд нуждается в субъекте, но и то, что рынок нуждается в покупателе, и поэтому порождает бесконечную цепь потребностей, которые могут быть удовлетворены в товарной форме. «Это задание поручается медиатехнологиям... Радио и телевидение становятся домашними точками воздействия капиталистической логики конформизма. Они подчиняют себе человеческие потребности и руководят ими... С помощью информационных технологий капиталист получает детализированные сведения о положении покупателей в обществе, их покупательной способности, характере потребностей через сканирование кредитных карт, изучение чеков» [С.242-243].

Однако информационные технологии могут служить не только рынку: все больше людей стремятся к свободному доступу к информации. Дайер-Визефорд называет эту тенденцию *стремлением к обобществлению информации* [С.245]. По его мнению, она проявляется в так называемом пиратстве, появлении «альтернативных» или «автономных» медиасредств. Р. Ронкаглио трактует «альтернативные» медиа как направленные на преодоление рамок устоявшегося порядка и самореализацию творческой личности. Кроме того, «альтернативные»

медиа предоставляют эфир информационным программам, которые подвергаются «репрессиям» на официальных каналах связи.

«Однако именно виртуальная реальность является сферой, которую капитал наиболее усиленно пытается поставить под контроль и использовать сеть для манипуляций социальными отношениями. Разумеется, виртуальная реальность также является полем для наиболее значимых экспериментов сил, противостоящих капиталу» [С.249]. Согласно А. Россу, неавторизованное использование компьютеров и хакерство представляют собой новые формы противоречий, направленных на разрушение частной собственности на информацию. Создание виртуальных сообществ и опыт переноса социальных отношений онлайн свидетельствуют о желании людей выключиться из повседневной логики капиталистических отношений.

В 1994 г. 2600 рабочих захватили издательства двух ежедневных газет Сан-Франциско. В течение недели они выпускали собственную газету «Свободная пресса». Она распространялась не только по городу, но и онлайн, в ней содержался призыв рабочих поддержать их. Следствием стало то, что владелец издательства получил за день 1800 звонков от возмущенных читателей с теми же требованиями, что выдвигали бастующие, и ему пришлось их выполнить. Этот бойкот был назван самым удачным за всю историю города.

Появление информационных технологий также таит в себе опасность разделения общества на «информационно богатых» и «информационно бедных». В Северной Америке сегодня очень возросла «сетевая активность»: рассылка левых листовок по электронной почте (ACTIV-L, LEFT-L, PEN-L), создаются онлайн-группы, такие как Сеть прогрессивных экономистов. Виртуальная реальность является важ-

нейшей политической ареной потому, что дебаты онлайн не только заменяют борьбу в реальности, но и служат отличным индикатором политических предпочтений граждан, а также позволяют четко увидеть связь разных аспектов общественной жизни.

В *части шестой* — «*Планеты*» — теоретические воззрения, изложенные прежде, прослеживаются на мировой практике. Описаны противоречия в так называемых развитых странах, особое внимание уделено использованию высоких технологий для борьбы с капиталом. В исследовании глобализации во многом повторены позиции В.И. Ленина и М. Кастельса. Дайер-Визефорд считает, что в процессе глобализации новые коммуникационные технологии играют главную роль. По уже известной читателю логике этот процесс предстает как единство двух противоположных тенденций: экспансии мирового рынка и оппозиционных протестных движений, которые можно объединить под названием «другая глобализация». Среди множества примеров привлечения информационных технологий, особенно глобальной сети Интернет, к протестной деятельности против мирового капитала (движения против ВМФ и ВТО, поддержка левых режимов Кубы, Вьетнама, Северной Кореи, Венесуэлы и других стран, восстания Запастисты в Мексике, забастовок и стачек) Дайер-Визефорд особо выделяет появление в России сети glasnet, московской ветви Ассоциации прогрессивных коммуникаций. «Во время второго Московского переворота в октябре 1993 г., когда силами ельцинизма рыночный капитализм репрессировал настоящую демократию, три представителя независимой Российской партии труда, включая Бориса Кагарлицкого, были арестованы по обвинению в планировании захвата радиостанции. Их систематически избивали и угрожали убить. Одна-

ко жена одного из заключенных сумела наладить контакт с австралийским корреспондентом газеты “Зеленые левые”, который в кратчайшие сроки добился для этого заключенного возможности подключения к glasnet. Так, обвиняемые смогли разослать письма для ряда левых онлайн-конференций, и, по словам Кагарлицкого, в течение многих часов в милицкий участок постоянно звонили с возмущенными требованиями. Первый звонок был из Японии. Милиционеры не могли в это поверить! А потом звонили буквально со всего мира...» [С.326].

Дайер-Визефорд полагает, что разнообразные оппозиционные тенденции в мировом масштабе противостоят транснациональному капиталу. Он согласен с П. Вотерманом, что протестные движения не имеют ни международного руководства, ни организации, ни четко определенного поля битвы. Однако в то же время можно сказать, что у них множество предводителей, организаций, форм и уровней борьбы. Появившись как ряд спонтанных локальных протестных систем, они со временем обросли множеством связей, контактов, коалиций и сетевых коопераций. «Они ставят целью создание другого мирового порядка, не желая становиться винтиками в машине мирового капитала... Это “другая глобализация”» [С.346]. Далее во многом повторяются выводы, сделанные в пятой части.

Часть седьмая — «*Постмодернисты*» — посвящена изучению такого заметного явления в современном обществе, как постмодернизм. Часть построена на анализе тех работ, в которых постмодернизм исследуется как теория, в своеобразной форме отражающая радикальные изменения в мире, произведенные высокотехнологичным капитализмом. Дайер-Визефорд полагает, что новый критический анализ «про-

летариата постмодерна» откроет новые горизонты в традиционной теоретической полемике постмодернизма и марксизма.

«Теоретики постмодернизма, такие как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр и Ж. Ваттимо, осознанно или неосознанно базируют свои заявления о радикальных изменениях современного общества на анализе постиндустриализма. Кроме того, в теории постмодернизма глубоко коренится вера в то, что компьютеры, телекоммуникации и другие высокие технологии являются жизненно важными элементами, отличающими нашу эпоху от предшествующего модерна» [С.362]. Дайер-Визефорд замечает, что он использует термин «теория постмодернизма» для обозначения взглядов тех мыслителей, которые считают, что отличительные моменты постмодерна можно увидеть в художественной культуре, философских течениях и, в особенности, в общественной формации. «Однако, хотя теория постмодерна обычно очень легко принимает идею, что высокие технологии создают беспрецедентную историческую эпоху, это не нужно рассматривать как наивный энтузиазм. Эта теория имеет более серьезные черты. Кроме того, постмодернизм — это зверь о нескольких головах, некоторые из которых антимарксистские, но большинство скорее симпатизируют марксизму и готовы к новому диалогу или даже синтезу с ним» [С.362-363].

Враждебность между постмодернизмом и марксизмом имеет долгую историю. Многие основатели постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Кристева) одно время были марксистами, для которых подавление восстания студентов и рабочих в 1968 г. и поражение Французской коммунистической партии на выборах привели к разочарованию и попыткам понять природу социальных конфликтов путем выхода за пределы кругозора орто-

доксального марксизма. В стремлении решить проблемы, которые уже решил марксизм, интеллектуалы Парижа обратились к консервативной американской социологии. К тому же появление информационных технологий, как казалось многим, разрушило монолитность материального мира. Так появилась теория реальности как текста, дискурса или кода. Бытие оказывается не развитием материального мира, а нематериальной игрой смыслов и значений. «Постмодернизм выступает против амбиций марксизма “схватить всеобщее”, чтобы получить объективное представление о социальном целом. Зачастую постмодернисты видят в этом тоталитарные мотивы» [С.366]. Марксисты, в свою очередь, называют постмодернистов мистиками, которые стремятся к насаждению в обществе безразличия к истории и культуре модерна и служат тем самым «эхом правящего класса», лингвистами-идеалистами и иррационалистами, которые пропагандируют хаос и изоляцию. Марксисты хорошо подметили внутренние противоречия, в которые впадает теория постмодернизма, стараясь избежать обобщений. Саморефлексия, которую они считают единственным методом философии, по мнению марксистов, четко выражает их классовую позицию и ситуацию в обществе. Критиками показано, насколько разрушительной оказывается вера в невозможность точного знания чего-либо за пределами повседневной, обыденной жизни. Ф. Джеймсон полагает, что появление культуры постмодерна не связано с отмиранием капитализма и началом новой эры. Оно скорее соответствует «позднему» или «мировому» уровню развития капитализма, анализ которого мы находим у Мандела. На этой ступени не затронутые прежде рынком сферы социальной деятельности глубоко пронизываются силами высокотехнологичного интегрирован-

ного мирового капитализма. Одним из аспектов этого процесса является придание культуре и коммуникациям товарной формы. Средства массовой информации, дизайн, маркетинг, модная индустрия и развлечения стали объектом пристального внимания коммерческой активности. Следовательно, четко различимый на ранних стадиях капитализма разрыв между экономическим базисом и культурой как элементом надстройки стал едва заметен. Дайер-Визефорд, однако, отмечает растущую склонность постмодернизма к марксизму. «К примеру, Ж. Деррида перестал критиковать марксизм за то, что он устарел, а наоборот заявил, что марксизм не превзойден ни одним течением современной мысли» [С.369]. М. Фуко, П. Вирилио и особенно Ф. Гваттари симпатизируют автономному марксизму. «Негри и Гваттари в своей совместной работе подчеркнули, что основное намерение капитала сегодня — установить свой деспотический контроль над рабочей силой, чья деятельность напрямую зависит от единства коллектива в кооперации... Они считают, что “предприятие без стен” (общество как предприятие) создает специфическую социальную организацию — интеллектуальную кооперацию, или коммуникацию, — важный фактор в современном обществе» [С.372]. Таким образом, коммуникация, являясь категорией постмодернизма, отражает реальную сферу общественной жизни. «В “Экономических рукописях” Маркс объясняет, почему открытие “труда” было историческим событием. Хотя категория “труда вообще” представляет собой “неизмеримо древнее отношение, имевшее место в любой форме общества”, она могла быть сформулирована только вместе с появлением при капитализме абстракции рабочей силы... Сегодня, по словам Негри, внедрение массы информационных технологий и

взаимодействий в производство требует схожей “абстракции” конкретного множества видов коммуникации» [С.375]. Это можно лучше понять, исходя из создания универсальной категории информации, в которой могут быть закодированы любые формы коммуникации. Негри считает, что развитие информатизации имеет две стороны, каждая из которых подмечена разными ветвями постмодернизма. Одна сторона — это использование всех видов коммуникации для разрастающегося товарного производства и сведение социальных отношений к отношениям обмена. Эту сторону Негри называет «банальной и пессимистичной». Другой аспект — беспрецедентное развитие информационного аппарата при капитализме, который может служить не только огромному миру коммуникаций, но и через каждое напряжение связей — противоречиям, протесту и появлению новой силы. Сегодня очевидно, что такая сила, стремясь к отделению от мировой капиталистической системы, принимает как левые, так и правые формы. «Этим можно объяснить появление в Северной Америке и Европе движений, таких как неонацизм, Клан, Арийские Нации, Военные Патриоты, движений, отрицающих холокост, фундаменталистских церквей и т.д. Все это — весьма популярный ответ на социальные и экономические вызовы неолиберального реформирования. Такие группы подвергаются наиболее жестоким формам репрессий со стороны правительств, которые в то же время используют деятельность этих групп для легализации более масштабных репрессий (цензура интернета). Кроме того, правительства получают повод разъединить действующие против них силы... Единственная возможность достичь своих целей для представителей рабочего класса, принадлежащих к различным пра-

вым и левым группировкам, — объединиться в борьбе против капитала» [С.394-396].

Таким образом, негативные и позитивные моменты постмодернизма рисуют нам противоречия коммуникационной инфраструктуры современного капитализма. Дайер-Визефорд также считает, что возросшее значение коммуникаций — явный результат обобществления производства: «предприятие без стен» нельзя отделить от реальной жизни.

Часть восьмая — «Альтернативы» — освещает роль, которую компьютеры и другие информационные технологии могут играть в формировании посткапиталистического общества. Дайер-Визефорд резко расходится во мнении с утопистами и предлагает «набросок будущего», возможной формы информационного коммунизма. Начиная главу критикой взглядов представителей утопического социализма XIX и XX вв., он цитирует «Немецкую идеологию» («коммунизм — это действительное движение, которое отменяет настоящее положение вещей»). Однако он считает, что множество людей, чувствуя господство мирового рынка, подвержены сегодня отчаянию и цинизму. Распад СССР — катастрофа государственного социализма — заставила многих поверить в то, что капитализму просто нет альтернативы. С другой стороны, можно если не предложить конкретную альтернативную модель, программу политической партии или план действий, то, по крайней мере, открыть «горизонт мысли», который покажет разные возможности в контрасте с бесплодностью капиталистического пути.

Используя работы современных левых мыслителей, *Дайер-Визефорд предлагает общую схему ближайшего будущего, которая включает институт гарантированного ежегодного дохода, создание универсальных ком-*

муникационных сетей, использование этих сетей для централизованного и децентрализованного общественного планирования, демократический контроль над решениями, касающимися научно-технического развития. «Эти элементы, если полноценно их развить, смогут создать прочную основу для альтернативы капитализму, а каждый элемент в отдельности может служить полем классовой борьбы» [С.424]. Автор считает, что он не в состоянии сделать прогноз социалистического, а тем более коммунистического общества, поэтому свою схему он скромно называет «государством, основанным на общественном богатстве вследствие коллективного использования ресурсов». Идеи Дайера-Визефорда, как он специально оговаривается, относятся только к одному аспекту его исследования — использованию обществом новых информационных технологий. Такая довольно узкая направленность вытекает из подмеченного Марксом в «Экономических рукописях» факта, что, хотя машины являются наиболее приемлемой формой капитала, капитал вовсе не нужен для наиболее подходящей обществу формы развития машин [С.425].

С расцветом компьютеризации и автоматизации производства многие задумались о последствиях этой тенденции. Еще в 1949 г. Н. Винер, «отец кибернетики», поднял вопрос о кризисе работы в результате роботизации. Классической формулировкой этой проблемы стало «вытеснение труда из сектора производства». Сразу же предложенное решение о переводе высвободившегося труда в сферу услуг или информационный сектор не кажется Дайеру-Визефорду удовлетворительным. «Появление телемагазинов, домашнего видео и виртуальных услуг означало массовую ликвидацию клерков и продавцов. Капитал автоматизировал

не только предприятие, но и “предприятие без стен” — общество» [С.428]. Уровень безработицы, таким образом, особенно в Канаде и Европе, поднялся до самого высокого за последние 50 лет. В США с безработицей пытались справиться введением так называемой работы неполного дня и временной работы. «Как отметили теоретики разных направлений: С. Ароновиц и В.Д. Фазио в книге “Безработное будущее”, Ж. Ривкин в “Конце работы”, Б. Шерман и Ф. Жадкинс в “Праве на работу”, — мы являемся сегодня наблюдателями предсказанного Марксом вытеснения живого труда машинами и фатального крушения стоимостного отношения» [С.428]. К сожалению, в позднем капитализме эта тенденция негативно отражается на тех людях, чье существование прямо зависит от возможности работать.

Анализируя рассуждение Маркса о безработице, с одной стороны, и чрезмерной эксплуатации — с другой, Дайер-Визефорд пытается найти решение этой проблемы. Так, традиционным ответом социалистов и кейнсианцев является *создание большего числа рабочих мест*. Но они словно забывают о том, что социализм — это не проект расширения наемного труда, а теория конца эксплуатации и «наемного рабства». Кроме того, этот выход подразумевает не наделение работой всех нуждающихся, а скорее сохранение противоречия чрезмерной эксплуатации и безработицы, но в меньшем объеме.

Другой вариант решения проблемы, забытый современными профсоюзами, — *уменьшение продолжительности рабочего дня*. Он направлен на создание солидарности между занятыми и безработными. Вместо углубления противоречий между ними он создает ситуацию, когда все работают понемножку. Более глубокое значение этого требования состоит в том,

что уничтожается зависимость между работой и доходом. На этот разрыв ориентировано и создание института гарантированного ежегодного дохода. «В 60-х и 70-х гг. теоретики автономного марксизма, например Негри, уже говорили о том, что автоматизация и обобществление производства делает устаревшей трудовую теорию стоимости, поскольку исчезает сама стоимость... Они видели в этом кризис, но не марксизма, который всегда рассматривал наемный труд как исторически преходящую форму социальной организации, а капитала, который зависит от необходимости и рациональности стоимостного отношения» [С.431].

Создание *института всеобщего гарантированного дохода* опирается на представление о том, что производство нужно оплачивать «общественной заработной платой», зависящей от индивидуальных необходимых потребностей и доступной домохозяйкам и студентам. «Один из разработчиков этой идеи А. Горц еще в 80-е гг. заявил о том, что уменьшение рабочего времени, ставшее возможным при помощи введения микроэлектроники, откроет “дорогу в рай”. Реализация его идеи, однако, была невозможна, поскольку капитализм — этот “живой мертвец”, продлил жизнь рынку и стоимостному отношению за пределами периода их исторической целесообразности, используя их только как инструменты господства» [С.432]. Горц особенно отмечал, что при капитализме в процессе труда уничтожается человеческое достоинство. В свою очередь, социальный доход, получаемый в течение всей жизни и основанный на необходимом минимуме общественно значимой работы, делает так, что работа перестанет быть центром общественной жизни. «Если меньше работать, — писал Горц, — то мы сможем сделать столько полезной, а главное, приятной работы в свободное время» [Там же].

Уничтожение наемного труда автоматически приведет к уничтожению пролетариев и капиталистов — само собой разумеется, что институт гарантированного дохода возможен только при государственной собственности на средства производства. Реализация этой идеи будет иметь определенные последствия. Во-первых, институт гарантированного социального дохода не только решает проблему кризиса оплачиваемой работы в высокотехнологичном обществе, но он также соответствует требованиям феминисток экономического признания домашнего труда. Во-вторых, такая система гораздо более приемлема для имеющих в любом обществе видов труда, которые не могут быть автоматизированы. В-третьих, освобождение людей от необходимости наемного труда создает возможности для более глубокого и творческого вовлечения в другие сферы общественной жизни. Таким образом, решается проблема самоорганизации общества и политического участия.

Дайер-Визефорд отстаивает идею, что этот институт может стать реальностью только в достаточно технологически развитом обществе, поскольку прогресс информационных технологий создает тенденции, *диаметрально противоположные логике рынка*. Развитые коммуникационные сети порождают очень быстрый и широкий круговорот информационных товаров, к которым неприменима логика производства и потребления обычных товаров. Волна медиапиратства, включающего создание фотокопий, перепечатывание текстов, перекачку видео, неплаченный прием спутниковых сигналов, копирование программного обеспечения и хакерство, *уничтожает товарную форму информационных ресурсов*. Чтобы понять эту черту современного общества, Дайер-Визефорд обращается к Марксу и убеждается в том, что моти-

вы, разрушающие капиталистическое развитие коммуникаций, коренятся в укорачивающемся времени круговорота товаров. «Согласно Марксу, если продукт переходит сразу же от производителя к потребителю, то это разрушает сам момент товарного обмена. Знаменитый девиз хакеров “Информация хочет быть свободной” означает, прежде всего, что большинство людей хочет, чтобы информация находилась в свободном доступе и ищет в виртуальном пространстве средства достижения этого. Интернет делает доступным большое количество разнообразной информации в нетоварной форме. Огромные базы данных доступны бесплатно. Создатели программ, которые хотят, чтобы их работа была использована больше, чем чтобы она была продана, помещают их в интернет бесплатно... Эти тенденции заложены в самой природе *информации — аномального явления для рыночной экономики*, так как она может быть использована одновременно множеством людей, скопирована и передана дешево, она не уменьшается от многократного использования и может увеличивать свое значение в зависимости от более широкого распространения. Это ведет к двум возможным противоположным последствиями: оплата информационных услуг под контролем общества или “фундаментальное разложение” товарной формы через всеобщее разрушение авторских прав на информацию. *Наше общество будет построено на тенденции разрушения товарных отношений*» [С.441]. Дайер-Визефорд отдает должное первым, кто увязал уничтожение товарного обмена со свойствами информации, — как ни странно, это были научно-технические работники из организации Компьютерные профессионалы за социальную ответственность (CPSR). Они отмечали также, что обобществление информации приведет к значительным культурным из-

менениям, поскольку распространение культуры будет широким как никогда.

Почти половина главы отводится Дайером-Визефордом такому важному вопросу, как *компьютеризированное общественное планирование*. «Чтобы осуществить действительную альтернативу развитому капитализму, необходимым и обязательным является воссоздание планирования» [С.447]. Дайер-Визефорд, следуя Марксу, выделяет две противоположные тенденции в современном обществе: социализацию и приватизацию. Уже Марксом было отмечено, что производство средств коммуникации (в его время — дорог, железных дорог и каналов) является частью всеобщих условий общественного производства, которые капитал стремится подчинить себе. Но эти системы становятся все более необходимыми для *индивидов при производстве их самих как представителей социального коллектива и условием воспроизводства общества как всеобщего условия их производственной деятельности*. В «Экономических рукописях» Маркс показывает, что институты информации (почта и телеграф) появились в результате глобальных противоречий и отчуждения частного производства, в то же время эти институты открывают возможность преодолеть отчуждение. «Успехи неолибералов в приватизации во многом объясняются их популистскими лозунгами против бюрократической иерархии государственной власти. Тем более что единственным адекватным ответом приватизации может быть только усиление государства, возвращение к старому образцу “планового государства”» [С.450]. По мнению исследователя, наиболее подходящей формой планирования будет *сочетание государственной силы управления с разнообразными коллективными демократическими проектами и инициативами*. «Проще говоря, мое предложение

преследует цель оставить финансовый и административный контроль за общественно избранными правительственными службами, а инициативу — за многочисленными общественными организациями, кооперативами, социальными и культурными, исследовательскими и инновационными центрами. Роль правительства — поддержка коллективных инициатив, а не насаждение таковых, проникновение, а не контроль, помощь общественным изменениям, а не руководство ими» [Там же]. Все эти моменты объединяются в понятии общественного планирования, т.е. способности общественного труда направлять развитие как производства, так и общества в целом, а компьютеризация и телекоммуникации создают каналы для соединения административной системы и децентрализованной системы социальной самоорганизации. Первые робкие шаги в этом направлении делаются в США группой RTK. Эта организация предложила свободный онлайн-доступ к экологической программе правительства США. Каждый желающий может таким образом прочитать отчеты по природоохранной деятельности 24000 промышленных предприятий и внести свои предложения.

Однако проблема планирования, как показано Дайером-Визефордом, сегодня вызывает множество споров и дискуссий. Например, между А. Новом, отстаивающим *«рыночный социализм»*, т.е. *децентрализованное демократическое планирование*, и Э. Манделем, выступающим за *государственное стратегическое планирование*. Сам Дайер-Визефорд согласен с позицией Д. Элсон, которая предлагает введение *централизованного стратегического планирования, по крайней мере, в сферах фискальной и денежной политики*. Рынок потребительских товаров, по ее мнению, должен быть «социализирован», т.е. стать прозрачным. Пред-

приятя будут обязаны публиковать информацию о дизайне, процессе производства, формировании цены, условиях работы и последствиях для окружающей среды при производстве своих товаров. Поддержанные обществом коллективы — «потребительские союзы» — анализируют эти данные и предлагают средние нормы для производства и потребления товаров. «Шопинг станет серией осознанных коллективных и индивидуальных решений, выбором оптимального сочетания цены и качества. Коллективный контроль над информацией можно понимать как тенденцию к демократизации и одновременно к централизации» [С.454]. М. Альберт и Р. Ханель предлагают концепцию *децентрализованного планирования*, в которой производство и потребление внутренне организованы решениями кооперативов производителей и потребителей. Разумеется, эти модели, как показано авторами, очень абстрактны и схематичны, но они поднимают вопрос о возможности *связи высокотехнологичных коммуникаций с динамичными моделями планирования*, а это сегодня очень важно.

Особое внимание в аспекте планирования Дайер-Визефорд уделяет *поддержанию и восстановлению природы*. «Согласно Марксу, природа не создает машин... Это продукты человеческого производства: природные материалы, превращенные в средства осуществления человеческой воли над природой или человеческого участия в природе... Капитализм выставляет приоритет “прогресса”, “эффективности”, “производительности”, “модернизации” и “роста”, не оглядываясь на природные или социальные последствия. Сегодня, в преддверии экологической катастрофы, под вопросом стоит само дальнейшее существование человечества. Противоположностью катастрофической сцене разрушения планеты является только один от-

вет, если исключить утопические идеи отказа от дальнейшего развития технологий... Это *замена рыночного хаоса стратегическим планированием, замена осуществления воли над природой участием в природе*» [С.457-458]. Как отмечал Э. Финберг, проект развития новых форм науки и технологии при участии планирования может принять конкретные социальные и природоохранные направления. «Теоретики, такие как Э. Финберг, Р. Склов, М. Голдхабер и Х. Вайнрайт осуществили огромный труд по разработке не совместимых с капитализмом критериев, которые должны быть применены к развитию технологий и их коллективному внедрению. Особое место среди них занимает уровень поддержки и восстановления экологии» [С.461]. К примеру, «коллективным решением может быть в десятки раз уменьшено нецелесообразное использование одних технологий (например, частных автомобилей) или ускорено развитие других (например, очищение Мирового океана)» [С.463].

В части девятой — «Интеллекты» — автор возвращается к упомянутой в первой главе Марксовой категории *всеобщего интеллекта*. Он исследует более детально эту концепцию, прибегая к «Экономическим рукописям» и дальнейшим ее исследованиям группой создателей французского журнала «Futur Anterieur».

В начале своей работы Дайер-Визефорд описывал классовые конфликты в высокотехнологичном капитализме как «борьбу за всеобщий интеллект». Маркс вводит понятие «всеобщего интеллекта», которое соотносится с понятием «всеобщего труда» как идеальное и материальное. Анализируя «Отрывок о машинах» в «Экономических рукописях», Дайер-Визефорд сосредоточивает свое внимание именно на понятии всеобщего интеллекта, объясняя это тем, что еще Маркс достаточно хо-

рошо исследовал роль труда в социальном прогрессе, а понятие «всеобщего интеллекта» разработано гораздо меньше как Марксом, так и марксистами [С.483].

Дайер-Визефорд опирается на слова Маркса о том, что в определенный момент развития капитала производство реального богатства начинает зависеть не от прямого расхода рабочего времени, а от двух внутренних факторов: *научного труда* (труда, насыщенного наукой и технологией) и от *общественных объединений* (организации производства). При этом идеальной стороной материального процесса производства будет выступать «развитие всеобщих сил в человеческой голове», всеобщее социальное знание, общественный интеллект. Две формы технологических изменений предупреждают нас о возникновении внутри капитализма «всеобщего интеллекта». Первая форма — это *развитие системы производства, основанной на автоматической системе машин*, состоящей из многочисленных механических и интеллектуальных органов, таким образом, сами рабочие составляют сознательное соединительное звено в этой структуре. Другая — это *сеть транспорта и коммуникаций, интегрирующая мировой рынок*. Однако такой уровень технологического развития, кажущийся капиталисту его мечтой, содержит в себе зачатки кошмара для капиталиста. «Капитал безальтернативно уничтожает сам себя двумя путями. Во-первых, достижения технологии машиностроения и организации уничтожают потребность в непосредственном ручном труде, необходимость продавать свою рабочую силу — таким образом, сама основа социального порядка при капитализме систематически разрушается. Во-вторых, стремительно возрастающая общественная сущность производства требует научно-технического развития, которое уже не может

быть осуществлено на базе индивидуальных усилий, но только в *широкой кооперации*. *Автоматизация и социализация* вместе создают возможность и необходимость избавления от наемного труда и частной собственности. В эпоху всеобщего интеллекта капитализм как доминирующая форма производства уничтожает сам себя» [С.484-485]. Все это, описанное Марксом, сегодня узнаваемо в информационном обществе, «экономике, основанной на знаниях», в которой внутренние интеллектуальные ресурсы общества, от коллектива продавцов до партнерства университета и производства, мобилизованы, чтобы создавать технологические чудеса и глобальные компьютерные сети. Однако предположение о том, что такое развитие производительных сил автоматически ведет к социализму, кажется Дайеру-Визефорду преждевременным. Он подчеркивает, что мы сейчас находимся в стадии позднего капитализма, триумфом которого выступает беспрецедентный уровень мирового господства через подчинение технологических инноваций. Дайер-Визефорд задается вопросом: что же составляет революционную силу и дает нам оптимизм при взгляде в будущее со стороны всеобщего интеллекта?

За ответом Дайер-Визефорд обращается к группе теоретиков-инициаторов французского журнала «Futur Anterieur». Эта группа включает ветеранов итальянского протестного движения «автономия» (А. Негри, П. Вирно и др.), их молодых учеников, разрабатывающих новые ветви теории (М. Хардт, М. Лаззарато и др.), и представителей различных течений марксизма (Ж.-М. Винсент и др.). Они считают, что необычайный уровень высокотехнологичной автоматизации и глобальной мобильности привел капитал к моменту, соответствующему у Маркса появлению всеобщего интеллекта. Однако

революционные тенденции, которые Маркс при этом отмечал, — *уничтожение наемного труда, возрастающая общественная сущность производства* — пока возникли в системе, когда заработная плата и частная собственность еще господствуют. По словам Вирно, мы являемся свидетелями *уничтожения частной собственности* на основе самой частной собственности. В этой ситуации недостаточно указать на объективацию общественного знания в новых технологиях, скорее необходимо рассмотреть сущность человеческой деятельности, создающую, поддерживающую и использующую научно-технический аппарат. Пока капитал развивал машины, чтобы свести к минимуму живой труд в производстве, это развитие само требовало появления нового уровня общественной кооперации — материальной базы для всеобщего социального знания (массового интеллекта).

Массовый интеллект можно весьма приближенно определить как совокупность ноу-хау, которая поддерживает развитие высокотехнологичной экономики, как активность «постфордистского пролетариата» (Негри). Массовый интеллект наблюдается не только в производстве, но и во всей совокупности образовательных и культурных взаимодействий, например, это отражено в концепции «обучения длиной в жизнь» — студенты продолжают обучаться новым технологиям и инновациям в своей профессии. Массовый интеллект Негри и Лаззарато называют также *нематериальным трудом*.

Что касается новых форм общественных противоречий, отражающих эти тенденции, то создатели «Futur Anterieur» особенно выделяют конфликты, вызванные *участием в управлении*. Это явление — результат многочисленных экспериментов по организации труда в системе

посттейлоризма: «кругов качества», «командной концепции», «японской модели управления», «всеобщего качественного управления», которые осуществляются из предположения, что рабочие становятся активными субъектами кооперации и различных функций производства, участвуя таким образом в управлении предприятием. В номинальном делегировании управленческих полномочий и ответственности рабочим капитал удовлетворяет их требования участия в координации производства. Однако нерешенное противоречие по вопросу собственности не позволяет рассматривать такие эксперименты как окончательное решение конфликта.

Следующий аспект всеобщего интеллекта — участие медиа и коммуникаций. По словам Винсента, *всеобщий интеллект — это руководство сетями и коммуникациями*. Капитал развив информационные технологии — средства массовой информации, телекоммуникации и компьютерные сети — с целью консолидации рынка и идеологического контроля. Однако он не может подчинить объективную технологически организованную базу всеобщего интеллекта (всеобщий труд). Массовый интеллект в аспекте медиа и коммуникаций кажется вовлеченным в массовое использование информационных технологий и подчиняющим себе капиталистический коммуникационный аппарат. Для примера Дайер-Визефорд отсылает нас к проанализированному им прежде явлению характера как массовой информационной инновационной интеллектуальной активности. «Примером, дающим наглядное представление о квинтэссенции всеобщего интеллекта, будет растущая спонтанная активность интернета, так как, абстрагировавшись от принятых банальностей или какой-либо необычной практики, интернет в любой из моментов погружен в гло-

бальную сеть обменов, что кажется формированием полицентричного, связанного с коммуникациями коллективного интеллекта» [С.498]. Дайер-Визефорд попутно отмечает, что «глобальное, основанное на электронных технологиях общественное планирование — как раз то, что можно ожидать от развития массового интеллекта» [Там же].

Другими центрами всеобщего интеллекта Дайер-Визефорд называет *университеты*. «Сегодня капитал пытается поставить под контроль шаги университетов в этом направлении. Так, эксперименты по вовлечению университетов в партнерство с компьютерными корпорациями, организациями послевузовского образования и школами повышения квалификации капитал рассматривает как свой коммерческий интерес. Он смотрит на “виртуализацию” университета как на расширенный рынок компьютеров и программного обеспечения, а на созданные студентами программы как на товар. Для университетских администраций “виртуализация” предполагает уменьшение зарплат и централизованное управление. Такое использование виртуальных технологий в университетах зачастую вызывает сопротивление. В университетах Лос-Анжелеса и Британской Колумбии студенты организовали протест против дополнительной платы, которую университеты запросили за высокотехнологичное обучение. В Канаде, в университетах Йорка и Аркадии, преподаватели бойкотировали виртуальный контроль методов преподавания и технологический контроль над их работой» [С.508-509]. Участие в таких движениях заставляет препо-

давателей и студентов «выходить из студенческих городков на улицы». Их борьба сливается с борьбой работников сферы услуг, рабочих промышленного производства и множества противостоящих капиталу в разных аспектах течений. Однако то, что капитал сделал связь университета и бизнеса неразрывной, имеет не только отрицательные стороны. Так, студенты и преподаватели вовлекаются в появляющийся сегодня на основе капитала всеобщий интеллект. Они теряют свои претензии на «великую истину» и мастерство анализа, но приспособливают свои знания к практическим целям; знания и навыки становятся взаимосвязанными моментами в их участии в массовом интеллекте.

В высшем образовании, как и везде, труд не может находиться полностью под контролем. В стремлении капитала использовать университеты для подчинения всеобщего интеллекта, заставляя людей осуществлять «обучение длиною в жизнь», чтобы не оказаться безработными, капитал сильно рискует. Это проявляется прежде всего в том, что люди будут учить и учиться не тому, чего ожидает капитал. Как пример Дайер-Визефорд приводит собственную интерпретацию информационного общества, с позиций которой он преподает студентам и которой была посвящена эта книга.

Список литературы

1. Dyer-Witthford N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism // <http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyerwitthford/index.htm>

DYER-WITHEFORD N. «CYBER-MARX: CYCLES AND CIRCUITS OF STRUGGLE IN HIGH TECHNOLOGY CAPITALISM»

V.S. Gritsenko

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Professor of the University of Western Ontario N. Dyer-Witheford makes a profound analysis of the essence of post-industrial society from the viewpoint of the Marxist labour paradigm and K. Marx's concept of the universal (scientific, automated) labour. He touches upon the main questions of this theory. This book was not translated in Russia before. It gives a quite good presentation of contemporary Western Marxism.

Key words: universal labour; universal intellect; destruction of value; planning.